

Константин Станюкович

Пассажирка

«Public Domain»

1892

Станюкович К. М.

Пассажирка / К. М. Станюкович — «Public Domain», 1892

© Станюкович К. М., 1892

© Public Domain, 1892

Содержание

I	6
II	10
III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Константин Михайлович Станюкович

Пассажирка

рассказ ¹

I

Дня за два до ухода нашего из Сан-Франциско мичман Цветков, только что вернувшийся с берега, стремительно ворвался в кают-компанию и воскликнул своим бархатным тенорком:

– Какую я вам привез, господа, новость! Одно удивленье!

И чернокудрый пригожий молодой мичман, веселый, легкомысленный и жизнерадостный, ухитрявшийся влюбляться чуть ли не в каждом порте, где клипер наш стоял более трех суток, – окинул живым, смеющимся взглядом своих красивых черных глаз несколько человек офицеров, благодушествовавших после обеда за чаем.

– Ну какая там у вас новость? – недоверчиво и лениво кинул с дивана старший офицер Степан Дмитриевич и, потянувшись, зевнул, собираясь, по обыкновению, соснуть часок после обеда.

– Уж не садится ли к нам адмирал? – испуганно спросил кто-то.

– Нет, нет... новость самая приятная! – рассмеялся мичман, открывая ряд ослепительно белых зубов. – Только моя новость не для вас, Евграф Иваныч, и не для вас, Антон Васильич, – обратился он, лукаво улыбаясь, к пожилому артиллеристу и к доктору.

– Это почему?

– Вы – в законе. И не для вас, батя... Вы – монах! И не для тебя, милорд. Ты – влюбленный жених. Тебя ждет не дождется в Кронштадте твоя невеста.

– Да не балагань, говори, в чем дело! И без того довольно похож на Бобчинского²! – проговорил медленно, сквозь зубы, товарищ и приятель Цветкова, мичман Бобров, прозванный “милордом”.

Рыжий, с выбритыми нарочно губами и маленькими, не доходившими до конца щек бачками, сухощавый и прилизанный, сдержанный и серьезный, он действительно смахивал на англичанина и корчил англomана, стараясь усилить это внешнее сходство и соответствующими, по его мнению, английскими привычками: напускал на себя невозмутимость, выпучивал бессмысленно глаза, цедил слова, носил фланелевые рубашки, пил портер и ничему не удивлялся.

– То-то: говори! А небось не угостишь бедного мичмана русской папироской... Эти манилки... Черт бы их побрал!.. Ну, не раздумывай же, благородный лорд... Давай!

“Благородный лорд”, запасливый, бережливый и вообще очень аккуратный молодой человек, не только не делавший долгов, но кое-что сохранявший от своего небольшого жалования, – несмотря на второй год плавания, курил еще папиросы, взятые из России. Он крайне неохотно угощал ими и не без некоторого внутреннего колебания достал папиросницу, но предусмотрительно не подал ее Цветкову, а, вынув одну папироску, протянул ее веселому мичману, давно прокурившему и проугощавшему свой запас.

Тот, после первой жадной затяжки, значительно и торжественно проговорил, прищуривая смеющиеся глаза:

– У нас на клипере будет пассажирка! Пойдет с нами до Гонконга... Не ожидали, господа, такой новости, а?..

И жизнерадостный мичман оглядел всех победоносным взглядом.

Новость эта, видимо, произвела впечатление на моряков.

– Пассажирка! – раздались восклицания.

– И даже две: молодая барынька и ее горничная, тоже молодая...

– Не плод ли это твоей фантазии, сэр? – усмехнулся милорд.

² ...похож на Бобчинского... – По “замечаниям для господ актеров” Гоголя Бобчинский – низенький, коротенький, очень любопытный, с небольшим брюшком, говорит скороговоркою к чрезвычайно много помогает жестами и руками.

– Фантазии?! Прикуси свой язык, милорд, и кстати уж проглоти аршин, чтоб окончательно походить на англичанина.

– А собой как барыня? – спросил кто-то из молодежи.

– Чудо что такое!.. Ослепительная блондинка с золотистыми волосами. Бела как снег... Улыбка чарующая... Взгляд ангела... Умница... Одетая с изящной простотой... Стройна и сложена божественно... Бюст роскошный... Ручки – восторг: маленькие, с ямочками... Ножки...

– А горничная какова? – неожиданно перебил мичмана, восторженно перечислявшего все прелести пассажирки, долговязый вихрастый юнец гардемарин с крупными сочными губами.

– На кой вам черт знать о горничной?! – негодуя воскликнул мичман. – Я рассказываю о ней, об этой дивной женщине, а вы – горничная! Это – профанация! У вас, видно, горничные только на уме... Тьфу!.. А впрочем, и горничная ничего себе! – вдруг, смеясь, прибавил мичман. – Ухаживайте за ней на здоровье!

– А ты уж, видно, того... втюрился в пассажирку? – насмешливо промолвил милорд.

– И ты втюришься, как ее увидишь, даром что жених.

Милорд презрительно усмехнулся и процедил:

– Я не такой влюбчивый воробей, как ты...

– Какая такая пассажирка, Владимир Алексеич? Откуда она вдруг объявилась, и где это вы все узнали? – спросил, в свою очередь, и старший офицер, Степан Дмитриевич, умышленно равнодушным тоном, слушавший, однако, с живейшим любопытством описание прелестной пассажирки и втайне переживавший радостное волнение завязанного женолюба.

И Степан Дмитриевич, далеко неказистый из себя мужчина лет около сорока, белобрысый, коренастый, начинавший сильно лысеть, с красным от загара, угреватым, непривлекательным лицом, среди которого, словно руль, торчал длинный, неуклюжий нос с шишкой на кончике, невольно оживился, забыв сон, пригладил с достоинством потную лысину и с самым донжуанским видом стал крутить концы своих темно-рыжих усов. В то же время его маленькие с воспаленными веками глазки еще более сузились и подернулись, как выражались мичмана, “прованским маслом”, и сам он молодцевато выпятил грудь колесом, представляя некоторое подобие бочонка.

Дело в том, что Степан Дмитриевич, отличный служака, добрый и вообще скромный человек, имел одну непростительную слабость – считать себя весьма и весьма соблазнительным мужчиной и думать, что нравится дамам.

– Я сейчас видел пассажирку у консула. Она приезжала к нему с горничной выправить бумаги... Меня представили ей, и мы с ней говорили... И капитан в это время был у консула. Ну и скажу я вам, господа, наш-то капитан...

– А что?..

– Потеха! Даром, что и с брюшком, и почтенный отец семейства, а так и рассыпался, так и лебезил... Совсем не такой свирепый, каким бывает во время авралов... Губы распустил, “ля-ля-ля”, ходит вокруг, словно кот около сливок... консулыша даже смеялась... И когда консул просил взять этих дам пассажирками до Гонконга, капитан с удовольствием согласился и предложил к услугам очаровательной блондинки свою каюту... А она, как царица, чуть-чуть кивнула головкой.

– Они американки, что ли? – снова полюбопытствовал старший офицер, довольно плохо объяснявшийся на английском диалекте.

– Какие американки! Чистейшие русские, москвички. С какой стати капитан взял бы американок пассажирками!

Это известие привело всех еще в больший восторг.

– Как же они сюда попали, в Калифорнию?

– Очень просто. Прелестная блондинка была замужем за американцем, инженером Кларком. Этот Кларк был зачем-то в России, встретился с русской красавицей и влюбился, понятно, в нее. Она, только что кончившая курс институтка, дочь какого-то генерала, тоже влюбилась в американца. Ну, повенчались и уехали в Америку; с ними уехала и русская горничная, бывшая крепостная. Прожили они, по словам консула, пять лет вполне счастливо, – американец обожал жену. Три года тому назад они приехали в Калифорнию, и здесь американец потерял все огромное свое состояние на спекуляциях с золотыми приисками. В отчаянии он в один прекрасный день пустил себе пулю в лоб... Ну не болван ли?

– Положим, болван, но что же дальше? – спросил кто-то.

– Эти три года несчастная вдова жила в Сакраменто³ у родных мужа и затем в Сан-Франциско, давала здесь уроки музыки. Кое-какие деньги, оставшиеся у нее после богатства мужа, пропали у разорившегося банкира. Ее потянуло на родину, и вот теперь она возвращается в Россию, отказав трем богатым женихам...

– Это она все тебе сообщила? – иронически заметил милорд.

– Нет, проникательный милорд, не она, а консульша... Она с ней давно знакома.

– Что ж она – неутешная вдова, что ли?

– Этого я не знаю... Знаю только, что она прелестна и, по словам консульши, безупречной репутации. Ее так и зовут здесь “мраморной вдовой”.

– А сколько ей лет?

– В консульстве говорили: тридцать, но это вранье, по-моему. Ей много-много двадцать пять... Она глядит совсем девушкой, так она свежа и хороша, эта миссис Вера, как ее здесь зовут. Ну, вот вам и вся история... Эй, вестовые, чаю! – крикнул мичман.

– Она не разучилась говорить по-русски? – спросил старший офицер.

– Отлично говорит. Изредка только у нее заедает⁴. А голос-то какой, Степан Дмитрич!

– Хороший?

– Бархат! Так и ласкает, так и проникает в душу!

– Посмотрим, посмотрим вашу красавицу! – весело и самоуверенно, с видом опытного знатока, промолвил Степан Дмитрич, задорно как-то крякнул и пошел к себе в каюту отдыхать.

“Черта с два ты посмотришь! Рожа вроде медной кастрюльки, а тоже воображает!” – мысленно напутствовал его мичман. И бросил в спину старшего офицера неприязненный, насмешливый взгляд.

Распросы насчет пассажирок продолжались еще несколько времени. Одни интересовались барыней, а другие (и в том числе и пожилой артиллерист, и вихрастый гардемарин) горничной, и все выражали удовольствие, что на клипере будет пассажирка, которая своим присутствием скрасит однообразие и скуку длинного перехода.

Один только “дедушка”, как звали все любимого старого штурмана Ивана Ивановича, слушая все эти разговоры, не выразил ни малейшего сочувствия и как-то загадочно усмехался, неодобрительно покачивая своей седой, коротко остриженной головой.

Мичман между тем не уставал петь восторженные дифирамбы красоте молодой вдовы. Отвечая на назойливые вопросы, он хвалил и горничную, но равнодушно и сдержанно. В конце концов чуть не вышла крупная история. Лейтенант Бакланов, довольно видный блондин, кронштадтский сердеед, сделал насчет будущей пассажирки очень нескромное замечание. Мичман вспыхнул, губы его затряслись, и он назвал Бакланова нахалом, не понимающим, как надо говорить о порядочной женщине. Дело дошло бы до крупной ссоры, если б не вмешался дедушка и, со свойственным ему умением миротворца, не уговорил двух распетушившихся молодых людей извиниться друг перед другом.

³ Сакраменто – город на западе США.

⁴ Моряки говорят. “Снасть заела”, то есть снасть не идет, остановилась. (Прим. автора.)

– Перессорятся у нас все из-за этой пассажирки! – пророчески, тоном выдавшего виды философа говорил несколько минут спустя дедушка Иван Иванович, преклонные года которого оставляли его, по-видимому, совершенно равнодушным к прелестям женской красоты. – Еще ее нет, а уж ссора! А что же будет, когда все закружат около пассажирки, словно тетерева на току? На берегу, где много бабья, и то из-за них одни неприятности, а в море, когда одна хорошенькая дамочка среди этих, с позволения сказать, петухов... благодарю покорно! Тут и служба не пойдет на ум... Нет-с, не резон брать пассажирок, да еще на длинный переход. Не одобряю-с! Недаром же, по регламенту Петра Великого, женщин нельзя брать в плаванье. Царь-то великого ума был... Понимал хорошо, в чем загвоздка.

Толстенький, кругленький, чистенький и свежий, как огурчик, судовой врач Антон Васильевич, перед которым философствовал старый штурман, весело закатился мелким визгливым смехом, умильно жмуря глаза, и неопределенно протянул, стараясь принять степенный вид:

– Дда... женщина, особенно хорошенькая...

– То-то оно и есть! Каждому лестно...

– Именно лестно... Хе-хе-хе!

– И посойдут они все с ума, ошалеют, как коты по весне, вспомните мое слово, Антон Васильич... Этот Цветков уже втюрился... “И такая, и сякая, писаная, намазаная”... Чего только не наказыал!.. Известно, с влюбленных голодных глаз, да в двадцать три-то года, всякая смазливая дамочка – красавица... И Степан Дмитрич... даром, что лыс, а уж хвост распустил и усы стал закручивать, и капитан тоже... Вот и будет, можно сказать, у нас кавардак из-за этой самой пассажирки! – ворчливо прибавил Иван Иванович.

Иван Иванович, вообще словоохотливый вне службы, по-видимому не прочь был еще пофилософствовать на эту тему. Но, взглянув на доктора и увидав в его лице и глазах игриво-веселое выражение, далеко не обнаруживавшее сочувствия к его словам, он укоризненно покачал головой, молча докурил манилку и вышел из кают-компания.

“Да и ты, брат, такой же саврас, как и другие!” – говорило, казалось, добродушное старое лицо штурмана.

II

Вечером с берега приехал капитан и тотчас же потребовал к себе в каюту старшего офицера.

Капитан был толстяк лет пятидесяти, почти седой, с крупными чертами загорелого полного лица, с крепко посаженной круглой головой на короткой шее и большими темными глазами, метавшими молнии во время гнева и добродушными в минуты спокойствия. Короткие седые усы прикрывали толстые губы, с которых нередко слетали энергические ругательства во время авралов и учений.

Напустив на себя недовольный вид и хмуря заседевшие брови, капитан проговорил резким, отрывистым голосом:

– Завтра придут две пассажирки: вдова инженера Вера Сергеевна Кларк и ее горничная... Неприятно, конечно, возиться на судне с бабьем, но что делать? Нельзя было отказать. Консул очень просил и вообще... вообще дама, заслуживающая уважения и покровительства. Я отдаю ей свою каюту. Сам помещусь в рубке... Приходится из-за этой пассажирки стесняться, – все тем же недовольным тоном говорил капитан. – А вас, Степан Дмитриевич, попрошу распорядиться, чтобы хоть на это время и господа офицеры, и боцмана, и матросы воздержались... не ругались бы во всю ивановскую... Нельзя же... Понимаете, дама-с, генеральская дочь... Неприлично-с!

– Слушаю-с! Я скажу офицерам и отдам приказание боцманам, Петр Никитич!

– Особенно этот боцман Матвеев... Не может, каналья, рта открыть без ругани. Так уж вы велите ему заткнуть свою глотку, а то срам-с. Дама, и не какая-нибудь там, знаете ли, старая карга, а молодая женщина, образованная, деликатного воспитания, ну, одним словом, вполне дама-с. И жила, понимаете, долго в Америке и, следовательно, отвыкла в некотором роде от России. Здесь ведь так не ругаются! – пояснил капитан и снова повторил: – Да-с, приходится в рубке... не особенно приятно... Да и вообще не люблю я дам на военном судне... Стеснительно... Ну, да нельзя было отказать! – как бы оправдывался капитан.

“Однако ловко же ты напускаешь туману!” – подумал старший офицер, вспомнив рассказ мичмана о том, как лебезил капитан перед хорошенькой пассажиркой, и проговорил:

– Это точно, Петр Никитич, дама более береговое создание...

– Да вот еще что, Степан Дмитрич, – заговорил капитан, – вы, пожалуйста, скажите мичманам и гардемаринам, чтобы они, знаете ли, того... не гонялись за горничной, как кобели, с позволения сказать... Чего доброго, заведут там еще интригу... Она пожалуется... Скандал... Военное судно... Надо помнить-с! – строго прибавил капитан.

– Слушаю-с!

Капитан помолчал.

– Больше не будет никаких приказаний, Петр Никитич? – спросил старший офицер.

– Кажется, более ничего... Снимаемся послезавтра с рассветом.

Степан Дмитриевич хотел было уходить, как капитан, внезапно меняя тон и сбрасывая с себя строгий начальнический вид, проговорил с тем обычным добродушием, с каким говорил не по службе:

– А знаете ли, Степан Дмитрич, ведь наша пассажирка... того... прехорошенькая, можно сказать, дама-с!

И при этих словах лицо капитана расплылось в широкую улыбку, и большие навывкате глаза его приняли несколько игривое выражение.

– Цветков рассказывал, Петр Никитич! Говорит красавица, – отвечал, тоже весело улыбаясь, Степан Дмитрич и стал крутить усы.

– Цветков? Да, ведь он был у консула в то время, когда там была пассажирка, и успел-таки с ней познакомиться. Верно, уж и наговорил ей своих мичманских любезностей... Этот пострел везде поспел! – с оттенком неудовольствия в голосе прибавил капитан.

– Он, кажется, уж по уши влюблен в пассажирку. Вернулся с берега совсем ошалелый! – смеясь, заметил Степан Дмитриевич.

– Ну и... и дурак! – неожиданно, с раздражением выпалил капитан.

Старший офицер удивленно взглянул на капитана, недоумевая, с чего это его прорвало.

А капитан через несколько мгновений, словно устыдясь своего внезапного, почти инстинктивного раздражения старого, некрасивого мужчины против молодого, красивого и ловкого, имеющего все шансы нравиться женщинам, и желая скрыть перед старшим офицером истинную причину своего гневного восклицания, проговорил:

– Ведь славный этот Цветков и офицер бравый, но какой-то сумасшедший. Как увлечется, тогда ему хоть трава не расти. Помните, как он чуть было не остался в Англии из-за какой-то англичанки? Три дня мы его по Лондону искали. Ведь пропал бы человек!

– Влюбчив, что и говорить, – вставил Степан Дмитриевич, – и не понимает еще хорошо женщин, – не без апломба прибавил старший офицер, приосаниваясь.

– То-то и есть... А эта пассажирка, молодая вдовушка, может легко вскружить голову такому молодому сумасброду... Да-с! Она, как я слышал, – продолжал капитан, хоть и ничего не слышал, – она, знаете ли, хоть с виду в некотором роде нимфа-с, а опасная кокетка... В глазах у нее есть что-то такое... Как в океане... Штиль, а как заревет... бери все рифы-с... ха-ха-ха!.. Я, как человек поживший, сразу заметил... Штучка! Так вокруг пальца и обведет!

И капитан повертел перед своим широким крупным носом толстый и короткий указательный палец, на котором блестел брильянтовый перстень.

– Ну и жаль будет молодого человека, если он врежется, как дурак, и наделает глупостей... Пассажирка, в самом деле, канальски хороша... Надеюсь, Степан Дмитрич, этот разговор между нами! – вдруг прибавил несколько смущенно капитан.

– Будьте покойны, Петр Никитич.

Когда старший офицер уже выходил из каюты, капитан еще раз повторил ему вдогонку, и на этот раз снова резким тоном командира:

– Так, пожалуйста, чтобы боцмана не ругались. Особенно Матвеев.

– Есть! – на ходу ответил старший офицер.

Он в тот же вечер позвал к себе в каюту обоих боцманов, Матвеева и Архипова, и, объяснив, что на клипере будут две пассажирки, строго приказал не ругаться и велел это приказание передать унтер-офицерам и команде.

Отдавая такое приказание, Степан Дмитриевич, и сам большой охотник до крепких словечек, сознавал в душе, что исполнить его боцманам будет очень трудно, пожалуй даже невозможно. И, вероятно, именно вследствие такого сознания, он, пунктуальный исполнитель воли начальства, еще грознее и решительнее повторил, возвышая голос:

– Чтобы во время работ ни гу-гу! Слышите?

– Слушаем, ваше благородие! – отвечали оба боцмана и в ту же секунду, словно охваченные одною и той же мыслью, переглянулись между собою.

Этот быстрый обмен взглядов двух боцманов совершенно ясно выражал полнейшую невозможность исполнения такого странного приказания.

– Смотри же! – прикрикнул старший офицер. – Особенно ты, Матвеев, не давай воли своему языку. Ты загибаешь такие слова... Черт знает, откуда только берется у тебя всякая ругань. Чтобы ее не было!

Матвеев, пожилой, небольшого роста, крепкий и коренастый человек, с рыжими баками и усами, почтительно выпучив глаза, нерешительно переступал босыми жилистыми ногами и усиленно теребил пальцами фуражку.

– Буду оберегаться, ваше благородие, но только осмелюсь доложить...
И боцман еще сердитей затеребил фуражку.

– Что доложить?

– ...Осмелюсь доложить, что вовсе отстать никак невозможно, ваше благородие, как перед истинным богом докладываю. Дозвольте хучь тишком, чтобы до шканцев не долетало и не беспокоило пассажиров. Чтобы, значит, честно, благородно, ваше благородие, – прибавил в пояснение Матвеев, любивший иногда в разговоре с начальством вворачивать деликатные слова.

На смуглом худощавом лице Архипова выражалось полное сочувствие к просьбе товарища.

– Тишком?! – переспросил старший офицер, подавляя улыбку. – Ты и тишком так орешь, что тебя за версту слышно. Глотка-то у тебя медная, у дьявола!

Боцман стыдливо заморгал глазами от этого комплимента.

– Ты пойми, Матвеев, пассажирки – дамы. При них ведь нельзя языком паскудничать, как перед матрознёй.

– Точно так, ваше благородие, известно дамы! – осклабился боцман. – К этому не привычны.

– То-то и есть! Так уж вы остерегайтесь... Не осрамите... А не то командир строго взыщет, да и я не поблагодарю...

– Будем стараться, ваше благородие! – ответили разом оба боцмана подавленными головами.

– Ступайте!

Они юркнули из каюты старшего офицера, осторожно, на цыпочках, прошли один за другим через кают-компанию и, очутившись в палубе, остановились и снова переглянулись, как два авгура, без слов понимающие друг друга.

– Дда! – протянул Матвеев.

– Ловко! – промолвил и Архипов.

– Нечего сказать: приказ! Остерегись тут!

– Как-то он сам остережется!

– Какая кузькина мать принесла этих пассажиров, чтоб их...

И из уст Матвеева полилась та вдохновенная импровизация ругани, которая стяжала ему благоговейное удивление всей команды.

– А вестовые сказывали, быдто горничная – цаца! – усмехнулся, подмигивая глазом, Архипов.

– И без нас, братец, довольно на эту цацу стракулистов⁵! – сердито ответил Матвеев и кивнул головой на гардемариновую каюту... – Не бойсь, маху не дадут!

И оба боцмана, недовольные будущими пассажирками, поднялись наверх и пошли на бак сообщать распоряжение старшего офицера.

А там уж шустрый молодой вестовой Цветкова, Егорка, сообщал кучке собравшихся вокруг него матросов о том, что слышал в кают-компании, причем не отказал себе в удовольствии изукрасить слышанное своей собственной фантазией и произвел пассажирку в генеральши.

– Российского генерала, братцы, дочь, а здешнего генерала жена, – рассказывал не без увлечения Егорка. – Ва-ажная и кра-асивая! Сам генерал, братцы, из левольвера застрелился неизвестно по какой причине – спекуляция какая-то приключилась, болезнь такая, а женка после того и заскучила.

– Известно – живой человек... Без мужа заскучит! – вставил кто-то.

⁵ Стракулист (строкулист) – прозвище приказных.

– “Не хочу, говорит, после того оставаться в здешних проклятых местах... Недавно, говорит, и сама тою ж болезнью заболела и решу себя жизни. Желая, говорит, ехать непременно на родину и вторительно пойду замуж не иначе, как за русского человека”.

– Видно, баба с рассудком. Это она правильно... Со своими живи! – раздалось чье-то замечание.

– И испросилась, значит, генеральша у капитана идтить с нами до Гонконга, а отсюда она на вольном пароходе. А с ей ее горничная. Мой мичман сказывал, что такая форсистая и пригожая девушка, вроде бытто мамзели... Одно слово, братцы, краля!

– Она из каких, Егорка? Мериканка?

– Наша православная. Из России привезена, хрестьянской девушкой... Только живши в Америке в этой, мамзелистой стала на хорошем-то харче... Здесь ведь, братцы, все мясо да белый хлеб... Народ в пинжаках...

– Ишь ты... русская! А давно мы русских девок не видали, ребята! – заметил один из слушателей.

– То-то давно... А наши не в пример лучше! – решительно заявил Егорка.

– Небось, Егорка, и здешние мамзели понравились?

– Что говорить, чистый народ, но только ни она тебя, ни ты ее понять не можешь... “Вери гут да вери гут”, – вот и всего разговору...

– А хороши, шельмы, здешние... Очинно хороши...

– Наши-то поядреней... Потоваристей, – засмеялся Егорка. – А здесь только что с лица хороши... А чтобы насчет ядерности – против российских не сустоять... Костлявые какие-то...

Разговор принял несколько специальный характер, когда матросы стали входить в подробную оценку достоинств женщин разных наций. Все, впрочем, согласились на том, что хотя и англичанки, и француженки, и китайки, и японки, и каначки⁶ ничего себе, “бабы как бабы”, но русские все-таки гораздо лучше.

⁶ Каначки . – Канаки – старинное название жителей островов Полинезии; на языке туземцев Гавайских островов “канак” – человек, житель страны.

III

В этот теплый и яркий сентябрьский день офицеры клипера, в ожидании пассажирки, особенно внимательно занялись туалетом и мылись, брились и чесались в своих каютах дольше, чем обыкновенно. К завтраку почти все явились в кают-компанию прифранченными, в новых сюртуках с блестящими погонами и белых жилетах. Туго накрахмаленные воротники и рукава рубашек, мастерски вымытых в Сан-Франциско китайцами-прачками, сияли ослепительной белизной и блестели словно полированные. Бакенбарды различных форм были бесподобно расчесаны и подбородки гладко выбриты. Усы, начиная с великолепных усов фатоватого лейтенанта Бакланова, длинных, шелковистых, составлявших предмет его гордости и особенных забот, и кончая едва заметными усиками самого юного гардемарина Васеньки, были тщательно закручены и нафиксатуарены. Сильный душистый аромат щекотал обоняние, свидетельствуя, что господа моряки не пожалели ни духов, ни помады. Особенно благоухал старший офицер, Степан Дмитриевич. Щеголевато одетый, напомаженный, прикрывший часть лысины умелой прической, он словно чувствовал себя во всеоружии неотразимости соблазнительного мужчины и то и дело покручивал свои темно-рыжие усы и ощупывал свой длинный красный нос, испробовав накануне новое верное средство против угрей.

Кают-компания, вымытая и убранная вестовыми, блестела той умопомрачающей чистотой, какая только известна на военных судах. Нигде ни пылинки. Клеенка сверкала, и щиты из карельской березы просто горели. На середине стола красовался в японской вазе, данной кем-то из офицеров, огромный роскошный букет, заказанный, по настоянию Цветкова, для украшения кают-компании. Вестовые были в чистых белых рубахах и штанах и обуты в парусинные башмаки. Старший офицер еще вчера приказал им: на время присутствия пассажирки босыми не ходить и одеваться чисто, а не то...

Только дедушка Иван Иванович да старший судовой механик Игнатий Афанасьевич Гненко нарушали общую картину парадного великолепия.

Иван Иванович сохранял обычный будничный вид в своем стареньком, хотя и опрятном, люстриновом сюртучке, серебряные погоны которого давно потеряли свой блеск и съезжились, и с высокими “лиселями” (воротничками), упиравшимися в его чисто выбритые, старчески румяные щеки; а Игнатий Афанасьевич, человек лет за тридцать, с добрыми светлыми глазами, отличавшийся крайним добродушием, невозмутимой хохлацкой флегмой и неряшливостью, явился в кают-компанию, по обыкновению, в засаленном кителе, с вечной дырой на локте. Воротник его рубашки, повязанный каким-то обрывком, был сомнительной свежести, всклокоченные волосы, видимо, требовали гребня и щетки.

Увидав Игнатия Афанасьевича в таком костюме, Цветков, сияющий словно именинник, в ослепительно белом костюме, просто-таки пришел в ужас.

– Игнатий Афанасьевич... Голубчик... Помилосердствуйте! – возбужденно воскликнул он, озирая неуклюжую фигуру механика.

– А что? – невозмутимо осведомился Игнатий Афанасьевич.

– Нельзя же... На клипере будет дама, а вы... Посмотрите!

И Цветков показал дыру на локте.

Игнатий Афанасьевич тоже взглянул на дыру, почему-то потрогал ее пальцем и, улыбаясь глазами, проговорил с сильным малороссийским акцентом:

– Не зачинил шельма Иванов... А я давно ему говорил...

– Но самый сюртук! Что подумает пассажирка, увидав вас в таком костюме?

– А нехай думает что хочет! – добродушно заметил Игнатий Афанасьевич.

Раздался взрыв смеха.

– Нет, уж вы, Игнатий Афанасьевич, поддержите честь клипера... Ради бога. Сюртука вам нового жаль, что ли?..

– Да я не выйду ее смотреть...

– А если она зайдет в кают-компанию... Захочет взглянуть?.. Наконец, мы ее пригласим... Уж вы, Игнатий Афанасьевич, не спорьте, ей-богу... Не поленитесь, переоденьтесь...

Цветков так упрашивал, что Игнатий Афанасьевич, несмотря на свою лень, обещал переодеться...

– Только не думайте, что на ходу я стану для нее одеваться... Под парами я в своей куртке буду! – заметил Игнатий Афанасьевич... – Она ко мне в машину не придет, надеюсь.

Пассажирку ждали к шести часам – к обеду, вместе с консулом и консульшей, приглашенными капитаном. В пять часов за гостями был послан щегольской капитанский катер. Другой катер отправился за багажом.

Цветков хотел было отправиться с катером, посланным за гостями, но старший офицер сказал ему, что, по распоряжению капитана, ехать с катером назначен гардемарин Летков (Васенька).

– Да разве не все равно, кто поедет? Я по крайней мере уже знаком с пассажиркой... А Васенька охотно уступает мне свое право... Не правда ли, Васенька?

– Я очень рад не ехать! – подтвердил юный и очень застенчивый Васенька. – Я не умею разговаривать с дамами! – прибавил он, краснея.

– Так разрешите, Степан Дмитрич!

– Нет, уж вы лучше сами, Владимир Алексеич, спросите капитана! – с улыбкой проговорил старший офицер.

– Что ж, и спрошу!

– Эка тебе не терпится увидеть юбку... Удивляюсь твоему легкомыслию! – процедил милорд.

– И удивляйся! – огрызнулся Цветков, выходя из кают-компания.

Большая роскошная капитанская каюта была убрана, видимо для пассажирки, особенно тщательно. Разные японские и китайские вещи, вынутые из ящиков капитана, были расставлены в разных местах, украшая убранство каюты. На накрытом, превосходно сервированном столе красовались букеты роз. Тонкий аромат духов стоял в воздухе.

Сам капитан, приодетый и прифранченный, с подстриженными волосами и баками, красный как рак и отдувающийся от жары, стоял, подавшись своим солидным брюшком вперед, озабоченно озирая убранство стола, и не заметил прихода мичмана.

“Ишь как он убрал каюту для пассажирки и как сам разукрасился, толстопузый! – усмехнулся про себя Цветков, оглядывая каюту и самого толстяка капитана. – Небось и шампанское сегодня! – завистливо промелькнуло у него в голове при виде ваз с бутылками на столе... – Жаль, что не моя очередь у него обедать... Милорд будет!..”

– Петр Никитич! – проговорил мичман.

Капитан поднял голову и, увидав Цветкова в полном блеске, сухо спросил:

– Что прикажете-с, Владимир Алексеич?

– Позвольте мне, Петр Никитич, ехать с капитанским катером вместо гардемарина Леткова.

– Это почему-с? Со шлюпками ездят гардемарины, а вы, кажется, мичман-с.

Эти “ерсы”, которыми сыпал капитан, и резкий, сухой тон его голоса, казалось, должны были бы предостеречь мичмана от продолжения и заставить его убраться подобру-поздорову из каюты, – но он, охваченный страстным желанием прокатить хорошенькую блондинку на катере под парусами и щегольнуть перед ней своим уменьем лихо управлять шлюпкой, не замечал, что капитанские глаза предвещают бурю, и прежним легкомысленным тоном продолжал:

– В таком случае позвольте, Петр Никитич, просто поехать встретить пассажирку. Быть может, ей понадобятся услуги какие-нибудь... Так я...

– Это еще что за встречи, Владимир Алексеич?! – перебил, закипая гневом, капитан. – Какие такие вы выдумали особенные встречи?.. Какие там услуги-с?! С чего вы вздумали гоняться за пассажиркой? Вы ведь офицер военного судна, а не какой-нибудь, с позволения сказать, годовалый понтер-с! Тоже встречи устраивать! И как вы позволили себе, господин мичман, обращаться ко мне с таким вздором, а? – вдруг крикнул капитан, уставив свои выпученные глаза с вращающимися белками на Цветкова.

Никак не ожидавший такого гневного взрыва, Цветков проговорил:

– Я полагал, что...

– А вы не полагайте-с и не приходите к капитану с подобными заявлениями... Ишь... разрядились как! – прибавил капитан, оглядывая блестящего мичмана. – Какая-то пассажирка, а уж вы...

– Я полагаю, это до службы не относится, Петр Никитич! – довольно твердо заметил Цветков, взглядывая на капитана в упор.

– Все-с относится к службе! – понижая тон, отвечал капитан. – Можете идти-с!

Цветков вернулся в кают-компанию в возбужденном состоянии, раздраженный.

– Ну что, едете за пассажиркой, Владимир Алексеич? – лукаво спросил старший офицер.

– Какое еду... Он еще меня разнес.

– За что же?

– А вот подите. Раскричался словно оглашенный. Даже насчет костюма заметил: “разрядились”, говорит... Но тут я ему задал “ассаже”⁷. Какое ему дело – разрядился я или нет? И с чего он взъерепенился, скажите на милость? Кажется, ничего нет позорного встретить даму?.. А, главное, сам-то он ради пассажирки фронт фронт оделся... Ей-богу, вот увидите... И каюту изукрасил как! Везде китайщина и японщина... На столе букеты роз. К обеду шампанское... За что же мне-то попало?

– И не так еще попадет, Владимир Алексеич! – промолвил Иван Иванович.

– За какие такие дела, дедушка?

– А все из-за этой пассажирки.

– Она-то тут при чем?

– А притом, что все вы из-за нее с ума посходите... Уж вот вы, батенька, горячку заपोрили... непременно встречать ее захотели... Еще насмотритесь на пассажирку. Переход-то длинный.

– А сколько, примерно, времени?

– Да уж никак не меньше трех недель.

– И чудесно, дедушка! – воскликнул мичман.

– Что чудесно?

– Она три недели будет с нами.

– Эх вы... ненасытные! Мало вам, что ли, влюбляться на берегу – еще в море захотели! – заметил, улыбаясь, дедушка. – Сколько у вас будет соперников. Друг дружку станете ревновать.

– Она ни на кого из нас не обратит внимания, дедушка.

– Ну так вы и совсем взбеситесь. Помяните мое слово!

Цветков уже весело смеялся, слушая дедушку, забыл о “разносе”, полученном от капитана, и все время нетерпеливо посматривал на часы.

В это время в кают-компанию вошел Игнатий Афанасьевич в новой паре, в чистой рубашке, повязанной каким-то необыкновенным бантом, приглаженный, прилизанный и выбритый.

⁷ ...я ему задал “ассаже” – то есть осадил, образумил.

– Bravo, Игнатий Афанасьич! Совсем вы молодцом! – воскликнул Цветков.

– Того и гляди в Игнатия Афанасьича пассажирка влюбится! – заметил кто-то.

– А пусть влюбится! – невозмутимо произнес Игнатий Афанасьевич, вызывая общий смех, и поспешил присесть к столу, видимо чувствуя себя не совсем ловко в новом платье и потому несколько удрученный.

– Катер, господа, идет! – крикнул в открытый люк вахтенный офицер.

Все бросились из кают-компании наверх смотреть пассажирку.

День был превосходный. Жара умерялась легким ветерком. Пользуясь им, капитанский катер, слегка накренившись, приближался под парусами к клиперу, лихо прорезывая кормы и носы многочисленных судов, стоявших на оживленном сан-францисском рейде.

Все бинокли устремились на катер. Один лишь Степан Дмитриевич, желая, в качестве старшего офицера, показать солидность, с напускным равнодушием разгуливал по шканцам, по временам подрагивая бедрами и неустанно закручивая усы.

– Ни-че-го осо-бен-ного! – процедил, отводя бинокль, милорд, стараясь показать ледяное равнодушие и корча из себя, по случаю приезда пассажирки, равнодушного ко всему в мире человека, как и подобало быть, по его мнению, настоящему англичанину.

– И болван ты, благородный лорд, после этого! – воскликнул прильнувший глазами к биноклю Цветков.

– Парламентское выражение!

– Или ты врешь, или ничего не понимаешь в красоте. Она идеально хороша... Вот увидишь ее вблизи, и если ты не английская швабра, то...

– И “швабра”... весьма мило! – насмешливо перебил милорд.

– Да как же ты смеешь говорить: “ничего особенного”. Чего тебе особенного!.. Однако Васенька молодцом правит... Ишь как ловко подрезал корму американцу... Лихо!

– Нет, хорошенькая, я вам скажу, дамочка! – произнес ни к кому не обращаясь кругленький, толстенький, чистенький доктор и захихикал своим мелким смехом.

– И, как следует, с аванпостами и вообще... Хо-хо-хо...

И пожилой старший артиллерийский офицер, интересовавшийся горничной, весело заготовал.

– Уже заржали молодцы! – промолвил дедушка и безнадежно махнул рукой.

– Да вы взгляните, Иван Иванович, так и сами... того... – обратился к нему вполголоса доктор, предлагая бинокль.

– Чего смотреть? Не видал я, что ли, юбок-с? Видывал. И без бинокля увижу. Небось пассажирка будет вечно торчать наверху при таких кавалерах... Только вахтенному мешать будет!

Посматривали, рассыпавшись у бортов, и матросы на приближавшийся катер.

А в это время боцман Матвеев обходил клипер и вполголоса говорил матросам:

– Смотри же, ребята, чтобы, значит, худого слова ни боже ни... А не то я вас...

И боцман заканчивал, правда довольно тихо, угрозами, сопровождая их самыми худыми словами.

– Сигнальщик! Доложи капитану, что катер с консулом пристаёт к борту! – крикнул стоявший на вахте красивый блондин Бакланов. – Фалгребные наверх! – скомандовал он затем и, молодецкато сбежав с мостика, пошел для встречи гостей.

В ту же минуту наверху появился капитан и, слегка сгорбившись, умышленно неторопливой, ленивой походкой направился к парадному трапу. Своим недовольным, сумрачным видом, своей походкой он словно хотел соблюсти свой капитанский престиж и показать перед офицерами, что приезд пассажирки не только несколько его не интересует, но как будто даже и не особенно приятен.

Между тем катер, сделав поворот, лихо пристал к борту. Паруса мигом слетели, и Васенька, разгоревшийся от волнения, бросил руль и предложил своим пассажирам выходить. Через несколько секунд на палубу в числе других гостей – пожилой консульши и ее мужа – легко и свободно спустилась по маленькому трапу молодая пассажирка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.